

Веч. клуб. - 1996. - 15 окт. - с. 7.

До окончания школы братья-близнецы Коля и Сережа Радченко не помышляли об артистической карьере. В маленьком запорожском городке Токмак, откуда они родом, играли в гандбол, занимались в духовом оркестре Дома пионеров, пели на танцах песни из репертуара популярных ВИА, словом, увлекались всем понемногу и ничем всерьез. Мудрая соседка присоветовала после десятого класса ехать в Киев, учиться на юристов. Дальняя родственница, у которой ребята остановились, сообщив ей с порога, что надумали поступать на юрфак, посмотрела на братьев как на блаженных. Ее сын, очкарик и отличник, лет пять пытался стать правоведом, однако регулярно проваливал экзамены. Короче говоря, законниками близнецы Радченко не стали, обеднив тем самым отечественную юриспруденцию любопытным прецедентом. Представьте: на судебном процессе обвинительную речь произносит прокурор, а оппонирует ему как две капли воды похожий на него защитник.

Братья Николай и Сергей РАДЧЕНКО:

Вообще-то мы хотели стать прокурорами

Мелодия на два голоса

Николай: — Идем мы по Крещатику с документами под мышкой, смотрим, толпа стоит. Оказалось, начались прослушивания в театральный институт. Решили попробовать. Думаем, провалимся, за угол завернем и отдадим документы на юрфак. Поднялись в аудиторию, где работала приемная комиссия, толком и обдумать ничего не успели, как вышел один из экзаменаторов и спросил: «Кто следующий?» Ребята все со страхом врасыпную кинулись, одни мы остались. Заранее заготовленного репертуара у нас, естественно, не было, показали, что умели: пели украинские песни, приговаривали, композиции какую-то читали, словом, понравились и стали студентами актерского отделения музыкального театра и кино.

— В студенческие годы приходилось играть пьесы вместе, используя, так сказать, природное сходство?

Сергей: — Играли в постановке Карела Чапека «Мать» классово чужих друг другу братьев-близнецов, в «Укрощении строптивой» вдвоем исполнили роль Петручин, причем я представлял как бы куртуазную сторону характера героя: обходительность, утонченность манер (обозначена она была белым жабо на груди), а Николай грубо мужицкую сторону, выходя к зрителю в камзоле «на босу грудь». Спектакль, надо сказать, имел успех.

— Итак, закончились беспечные студенческие годы, и тут вам случайно встретился Аркадий Райкин...

Николай: — Райкин был на гастролях в Киеве. После спектакля являемся мы к нему за кулисы и без всяких предисловий говорим, что хотим у него работать. Он несколько опешил от такой, мягко говоря, непосредственности, однако на следующий день назначил прослушивание, после которого взял нас в Ленинградский театр миниатюр. Как только стало известно, что нас берет Аркадий Исаакович, мы получили предложения от шестидесяти театров. Но решение было принято, и мы отправились в Питер.

— Как складывались отношения с Райкиным? Многие утверждают, что у себя в театре он был достаточно жестким человеком.

Сергей: — Дело в том, что Райкин нас принял под определенный спектакль, который

собирался ставить, — «Весь мир — театр». Два года мы репетировали, были сцены роскошные костюмы, но сыграть в этом спектакле нам так и не довелось. Товstonогов, как-то посмотрев репетицию, посоветовал Райкину все в корне изменить, не отходить от своего амплуа, оставаться в рамках жанра без театральных выкрутасов — камзолов, кринолинов и прочего, что для райкинского театра было чуждо и неорганично. Райкин в тот период сильно болел, месяцами в театре не появлялся, мы же играли в массовках, ролей не было. Аркадий Исаакович понимал, что в театре мы не востребованы. Поэтому, когда мы решили уйти и сообщили ему об этом, неожиданностью для него это известие не стало. «И куда же?» — спросил Райкин. «В Москву», — ответили мы хором. Райкин обещал помочь. Незадолго до этого мы стали дипломантами на конкурсе эстрадных исполнителей, где Райкин был членом жюри. Естественно, его присутствие повлияло на решение о присуждении звания именно нам. Хотя выступать нам не надо было. Аркадий Исаакович хотел нас как-то поддержать, но дипломы эти нам вышли боком.

— Почему же? Разве премия на конкурс не открывала путь к успеху?

Николай: — Мы были еще сырье, неопытные юнцы. Многие участники, более профессиональные и лучше подготовленные, ничего не получили, к нам стали относиться как райкинским любимчикам. Осложнились и отношения в группе.

— В столице вам тоже добрый самаритянин повстречался в лице какой-нибудь всесоюзной знаменитости?

Сергей: — Сделать первый шаг нам помог Кобзон.

— Вы тоже к нему за кулисы заявились и предложили попеть с ним: «Побачте, Йосиф Давыдович, яки мы гарни хлопци», — так что ли?

Сергей: — Нет, мы пошли в Театр на Таганке смотреть любимовский «Вишневый сад». В антракте подошли к Кобзону, он почему-то один стоял в фойе, никем не атакуемый. Мы с ним немного были знакомы, что и придало решимости. Мол, так и так, Йосиф Давыдович, вчера от Райкина ушли, хотим в Москве работать. Он здраво рассудил, что в Москонцерт без прописки не возьмут, и на следующий день представил нас директору Москонцерта, рекомендовав прослу-

шать. С тем и ушел. Авторитет Кобзона, без сомнения, повлиял на решение худсовета, собравшегося, кстати сказать, чуть ли не в тот же день. И нас утвердили. Потекла нормальная гастрольная жизнь: поездки на БАМ, по Сибири, Уралу, месяцы за месяцем колесили по стране, выступали на сотнях площадок.

— И текла она, эта жизнь, до тех пор, покуда Москонцерт не перестал быть родной матерью нашей эстрады?

Николай: — Где-то с восемьдесят девятого года потихоньку все стало разваливаться. Многие артисты уходили, создавали свои театры, практика колективных гастролей мало-помалу отмирала, каждый пытался сам устроить свою творческую судьбу. Пришло и нам заняться самостоятельной концертной деятельностью. Как раз на это время пришла волна комсомольского движения, и мы года два жили вполне благополучно: работали по договорам с городами, ездили на гастроли то к нефтяникам, то к шахтерам, то к газовикам, то к рыбакам. Пока не начался отлив, и эстрадные исполнители не превратились в такой же рыночный товар, как нефть, уголь, газ.

— Отношения к эстраде в последние годы предельно обнажились, меру успеха артиста определяет нехитрая формула: деньги — товар — деньги. Вам, наверное, пришло сильно пересмотреть «основополагающие творческие принципы», чтобы вписаться в эту схему? На рынок-то выходить надо, вооружившись не гитарой романтика и не свирелью менестреля, а скорее калькулятором.

Сергей: — Пришло смириться с тем, что себя надо продавать, как любой товар. К сожалению, все то, что годами нарабатывалось, оказалось ненужным: откровенное слово, душа песни, напевность, мелодичность. Теперь ведь как: хочешь выступить в телепередаче — три тысячи долларов, клип желаешь снять — не меньше десяти. Содержательная сторона творчества никому неинтересна, никто на нее не обращает внимания. Есть жесткий коммерческий расчет: вложил определенную сумму в исполнителя — он должен принести прибыль. Такой сугубо сельскохозяйственный подход: с каждого засеянного гектара — две стопки процентов. И никуда не денешься: без раскрутки на ТВ ты никому неинтересен, хоть упойся. Надо постоянно думать об имидже,

Клубные встречи

о том, как себя подать, об эффектном жесте, томном взгляде, о том, как прядочку со лба поклоннее отбросить, а не о том, что поешь. Словом, учитьвать нюансы, которые нас никогда всерьез не занимали, потому что никогда не имели отношения к работе.

Мы достаточно долго экспериментировали, пока нашли свою нишу, а в итоге пришли к тем истокам, с которых начали, поняв, что основа нашего творчества — искренность. Песня должна идти из души и на душу слушателя ложиться. Слова и мелодия должны быть единым целым, чтобы песню, которую мы исполняем, людям хотелось петь дома. Мы ведь — короли застолья. Ей-богу, нам нет в этом равных! Оттого, что критерии подхода к репертуару у нас достаточно высоки, долгое время трудно было найти авторов, которые бы этим требованиям отвечали. С удовольствием пели старые песни, которые сейчас принято называть «о главном». Недавно опять помог случай: начали работать с великолепным дуэтом Матеций — Морозов. Они написали для нас песенный цикл. В феврале выйдет мастер-диск.

Жизнь близнячья

— Как, по вашему мнению, можно определить ваши отношения на сцене: вы помогаете друг другу, дополняете друг друга, или, напротив, сами того не желая, мешаете проявлению творческой индивидуальности каждого? Не обидный вопрос?

Николай: — Вопрос очень важный. Ведь для большинства людей близнецы забавны и занятны, вызывают, как правило, веселое любопытство: «Надо же, у них даже родинки одинаковые!». Но мало кто понимает, что быть близнецами совсем не просто. Потому что каждый ощущает в себе как бы присутствие еще одного человека, без которого принятие даже самого простого решения представляется невозможным.

Сергей: — Близнецы, если можно так выражаться, гасят индивидуальность друг друга. Я думаю, каждый близнец способен реализовать себя ровно наполовину. Вторая половина обязательна: это принадлежит брату или сестре. Что-то недодумала природа, ей-богу.

— В детстве, разумеется, вы не раз пользовались своим сходством. На примере.

Николай: — Еще как пользовались! Однажды даже заняли первое место в школьных соревнованиях по бегу на длинные дистанции. То есть все думали, что победил Сережа, но на самом деле участвовали вместе. Очень смешно было: половину дистанции пробежал я, а когда начал уставать, из кустов выскочил Сергей и первым пришел к финишу.

Сергей: — Случались вещи и посмешнее. Особенно когда ходили на свидание к одной и той же девушке — вкусы в этом у нас почти всегда совпадали. Очень удобно... Сегодня с ней в кафе, завтра — Коля в театр. В другой раз я с девушкой в ресторан, на следующий день Коля с ней в музей. И барышни, представьте себе, были очень довольны: «Ах, какой он всегда разный! Ах, какой необыкновенный человек!»

— Скажите, а женились вы одновременно?

Сергей: — Я брата опередил. Мы тогда занимались подготовкой одной музыкальной программы, Настя работала у нас концертмейстером. У Коли было что-то вроде ревности — мол, я его обскакал, и вскоре он тоже женился.

Николай: — Ну ревности, конечно, никакой не было. А была новогодняя елка во Дворце пионеров, где мы выступали, и красивая девушка Лена — режиссер. Я, понятно, влюбился и пригласил ее в заслуг. Вот и все. Когда родилась дочка, с именем проблем не было: одна из самых популярных песен нашего репертуара называется «Ты ждешь, Лизавета». Сейчас Лизе 12 лет.

Сергей: — Моя дочка Ксения на год старше. Кстати, девочки очень дружат. И внешне они очень похожи.

— Известно, что близнецы терпеть не могут расставаться и даже на расстоянии как бы чувствуют присутствие друг друга.

Сергей: — Дело в том, что феномен близнецов до конца не изучен, и ученыe до сих пор не могут определить: появление на свет, так сказать, двойников — это дар природы или ошибка. Тем не менее близнецы, как правило, очень привязаны друг к другу, у них общие друзья, общие увлечения, болеют и то вместе. Когда Коля идет, скажем, к зубному врачу, я чувствую что-то похожее на боль. Я всегда знаю, когда у брата плохое настроение, когда он недоволен или раздражен. Конечно, это порождает и немало проблем. Кстати, мы всерьез подумываем о том, чтобы начать выступать по отдельности — сделать сольные программы.

Николай: — Мне бы хотелось попробовать себя на театральном поприще — написать хороший мюзикл и выступить в качестве режиссера. А Сергей вполне подошел бы на главную роль. Чем не идея? Кстати, линии судьбы на ладонях у нас разные.. А значит, надо попытаться довериться судьбе.

Встречались Оксана ЕЛИСЕЕВА и Мария МЕЩАНИНОВА. Фото Игоря ИВАНДИКОВА.